

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет: Филологический

Выпускающая кафедра: Мировой литературы и методики ее преподавания

Бегунова Инна Владимировна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: **Исторические сюжеты русской литературной традиции. Бабий Яр.**
(материалы для учебной и научно-исследовательской деятельности
учащихся средней и старшей школы)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы: Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой мировой литературы
и методики ее преподавания
к.ф.н., доцент Липнягова С.Г.

17.05.2017
(дата, подпись)

Руководитель к.ф.н., доцент мировой
литературы и методики ее преподавания
Гайдукова Е.Б.

Дата защиты 22.06.2017

Обучающийся: Бегунова И.В.
(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск
2017

Содержание.

Введение.....	3
Глава1. Бабий Яр как географическая реальность и литературная реалия: культурно-историческая справка.....	7
Глава 2.1 Трагедия Бабьего Яра в литературе и кинематографии.....	22
Глава2.2 Анатолий Кузнецов и его взгляд на события в Бабьем Яру.....	23
Глава 2.3 Бабий Яр в лирических произведениях.....	34
Глава 2.4. Медиальные трансформации исторического сюжета: трагедия у Бабьего Яра в кинематографии.....	45
Заключение.....	49
Список литературы.....	52
Видеоматериалы.....	56

Введение.

С течением времени многие жанры, образы, сюжеты претерпевают трансформацию в большей или меньшей степени. Каждой культуре свойственен свой сюжетный репертуар, который отражает дух эпохи, интересы современников. Но есть и такие сюжеты, которые трансформируются, но остаются востребованными на протяжении нескольких эпох. Это так называемые «бродячие» сюжеты, легендарные сюжеты, собственно мифотворчество, когда о политической или культурной исторической фигуре, или историко- культурном событии, или культурно – значимом топосе сознательно создаются мифы и легенды.

«Переписывание» истории как таковой, трансформирует, в свою очередь, исторические личности, события, топосы. Процесс искажения, переосмысления или придумывания тех или иных событий, личностей, для достижения различных целей есть процесс мистификации. Вокруг данного процесса постепенно складываются историко-легендарные сюжеты, например, сюжет о мифологизированном Сусанине- проводнике, о Распутине-« святом черте». Под процесс мистификации попадают и образы топосов, например, образ Сибири, как образ экзотической, таинственной и, в какой-то степени, потусторонней земли.

Так, в ряду историко- легендарных сюжетов русской литературной традиции, связанных с топосами, мифологизированными народным сознанием, оказываются сюжеты об Аскольдовой и Олеговой могилах («Повесть временных лет»), о возникновении Казани на месте «змеиного» царства («Сказание о казанском царстве»), о строительстве Санкт-Петербурга... Этот ряд может быть продолжен. Таким историко- легендарным топосом стал и Бабий Яр – трагически известное место под Киевом, где во время Второй мировой войны нацисты сделали первую и, к сожалению, удачную пробу уничтожить огромное количество мирных жителей большого города.

Согласно исторической справке, «Бабий Яр (укр. Бабин Яр)-урочище в северо-западной части Киева, между районами Лукьяновка и Сырец. Впервые упоминается под современным названием в 1401 году, когда хозяйка трактира(укр. “баба”), находившегося здесь, продала эти земли доминиканскому монастырю. В XV—XVIII вв. также встречались названия “Шалэна Баба” и “Бісова Баба”»[5;10]. Для Советского союза это место стало символом холокоста и самого жуткого проявления жестокой политики и идеологии фашизма на оккупированных территориях.

Расстрел осенью 1941 г. на окраине Киева в Бабьем Яре десятков тысяч евреев, душевнобольных людей, военнопленных, матросов днепровской Пинской флотилии, представителей Киевского подполья и граждан Украины из других областей, и поныне остается одним из самых трагических событий новейшей истории.

Трагедия у Бабьего Яра исследуется различными науками с разных сторон уже довольно давно, и по сей день рядом с уже известными фактами появляются новые сведения, а также домыслы, догадки и детали, обеспечивающие работу сюжетопорождающего механизма.

Актуальность темы связана с интересом отечественной филологической науки к историческим сюжетам, формирующимся в более ранние культурно-исторические эпохи и по праву считающимися бродячими; а также к сюжетам, порождаемым, «здесь и сейчас», но при этом эксплуатирующим традиционный мотивно-образный материал. К таковым по праву можно отнести сюжеты, возникшие в эпоху второй мировой войны, в частности, обусловленные конкретными трагическими ее эпизодами, а именно – трагедией в Бабьем Яру.

В своем исследовании мы не ставим перед собой задачу обнаружить новые исторические факты произошедшей под Киевом в годы Великой Отечественной войны трагедии, также не беремся давать оценку имеющимся фактам, это дело историков; наша **цель** гораздо скромнее и лежит исключительно в рамках литературоведения: определить ключевые аспекты

формирования и трансформации историко-легендарного сюжета о событиях у Бабьего Яра в контексте русской литературы второй половины XX в.

Для решения заявленной цели нами были поставлены следующие **задачи**:

1. охарактеризовать культурно-исторический контекст военного времени, когда произошли реальные трагические события у Бабьего Яра;
2. установить структурные элементы, формирующие инвариантную структуру историко-легендарного сюжета о трагедии в Бабьем Яру;
3. выявить аспекты трансформации сюжета в произведениях русской литературы второй половины XX в.;
4. определить особенности репрезентации сюжета и отдельных составляющих его мотивов и иных структурных элементов в различных формах медиакультуры второй половины XX в.

Материалом для исследования послужили: роман-документ А. Кузнецова «Бабий Яр», поэма Е. Евтушенко «Бабий Яр», поэма И. Глейзера «Киев золотой порой», песня А. Розенбаума «Бабий Яр», фильмы

Объектом нашего исследования является изучение сюжетно-образного материала русской литературной традиции.

Предмет изучения – особенности трансформации историко-легендарного сюжета о трагедии в Бабьем Яру в культурном контексте второй половины XX в.

Методы исследования: культурно-исторический, описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический, а также элементы реферативного метода и метода мотивного анализа.

Методологическую базу исследования составили фундаментальные труды по литературоведению таких ученых, как Бахтин М.М., Гаспаров М.Л., Гинзбург Л.Я., Корман Б.О, Лотман Ю.М., Хализев В.Е., Эйхенбаум Б.М. При рассмотрении культурного и социально-политического контекста эпохи военного времени мы опирались на работы: Аллена Э. Д., Муратова П. П., Елисаветского С., Бердичева, Захарова В.В., Кулешова А.А.

Несмотря на множество работ, посвященных изучению «военных» сюжетов, собственно анализу произведений военного времени и текстов о Великой Отечественной войне, мы не обнаружили ни одного научного источника, в котором бы рассматривался историко-легендарный сюжет о трагедии в Бабьем Яру, и тем более, где бы проводился сопоставительный анализ произведений, варьирующих данный сюжетно-образный материал. Настоящее дипломное сочинение призвано хотя бы в некоторой степени восполнить данный пробел, чем обусловлена научная новизна нашей работы.

Практическое значение настоящего исследования заключается в том, что рассмотренный литературный материал, а также полученные в ходе работы наблюдения и выводы могут быть использованы в вузовских лекционных курсах и спецкурсах, при создании специальных научных исследований по истории русской литературы XX века, при разработке научно-методических и учебно-методических пособий для студентов филологических факультетов. Работа представляет интерес для педагогов дополнительного образования, составляющих авторские учебные программы по истории русской культуры. Результаты исследования могут быть также использованы при подготовке уроков для учащихся старших классов общеобразовательных школ по изучению творчества русских писателей и поэтов о событиях во время Великой Отечественной войны.

Структура дипломной работы классическая, включает Введение, две главы – теоретико-методологическую и практическую, Заключение и Список литературы, насчитывающий 62 наименования.

Глава 1. Бабий Яр как географическая реальность и литературная реалия: культурно-историческая справка.

Бабий Яр в Киеве- историческое место, о котором знают не только граждане Украины, оно известно и далеко за ее пределами. «Бабий Яр (укр. Бабин Яр) — урочище в северо-западной части Киева, между районами Лукьяновка и Сырец. Впервые упоминается под современным названием в 1401 году, когда хозяйка трактира (укр. «баба»), находившегося здесь, продала эти земли доминиканскому монастырю. В XV—XVIII вв. также встречались названия «Шалэна Баба» и «Бісова Баба»»[5; 10].

Для уточнения исторических данных о Бабьем Яре, в нашей работе мы привели цитату из статьи Т. Евстафьева и В. Нахмановича:

«Бабий Яр представляет собой часть системы оврагов в северо-западной части Киева, которая образовалась вследствие эрозии, начиная с раннего четвертичного периода. Основу местности составляют пестрые глины, на которые в ледниковый период оседали суглинки и пески.

В период Киевской Руси Бабий и находящийся в 1 км от него Репяхов яры (верховье близ ул. Мельникова, устьевая часть выходит в правобережную пойму Днепра параллельно оврагу Бабий Яр, по дну протекает ручей Репяхов Яр, являющийся притоком ручья Бабий Яр) были природной защитной границей древнего Киева. Здесь неоднократно происходили вооруженные столкновения между защитниками города и теми, кто пытался овладеть им с северо-запада. О таких столкновениях упоминают летописи под 1146, 1150, 1169–1171 гг.

На высокой горе, там, где Бабий Яр выходил в долину Днепра, Всеволод Ольгович около 1140 г. основал Кирилловский монастырь и построил в нем каменную церковь, служившую на протяжении XII в. усыпальницей князей Черниговской династии. В 1170 г. в ней похоронена жена Всеволода Ольговича —

Мария, в 1194 г. сын, великий киевский князь — Святослав Всеволодович, один из главных героев «Слова о полку Игореве»».

[25; 12].

В последующие годы эта территория оставалась малонаселенной пригородной местностью.

В 1786 г. древний Кирилловский монастырь был превращен в дом для военных инвалидов. В 1803 г. построены новые одноэтажные корпуса, в которых разместилась больница для душевнобольных. В советское время это лечебное учреждение было полностью перепрофилировано в психоневрологическую больницу. Теперь здесь располагается первый лечебно-диагностический и научно-педагогический центр, часть помещений занимает кафедра психиатрии Киевского государственного института усовершенствования врачей.

В 1869 году возле Бабьего Яра был открыт летний военный лагерь — «Сырецкий военный лагерь». В 1895 на его территории была открыта так называемая Дивизионная церковь, которая была уничтожена после революции. На месте этой церкви позднее находились ворота Сырецкого концентрационного лагеря. «В 1870 году территория, прилегающая к Бабьему Яру с юга, была использована под строительство Лукьяновского гражданского кладбища (существует ещё Лукьяновское военное кладбище). Кладбище было закрыто в 1962 году. В настоящее время территория кладбища — заповедная зона.

В 1891—1894 гг. в непосредственной близости к Бабьему Яру было создано Новое еврейское кладбище. Оно было закрыто в 1937 году и уничтожено во время Второй мировой войны. Сохранился лишь небольшой фрагмент кладбища и контора. Оставшиеся захоронения были в 1960-е годы перенесены на Байковое (49 участок) и Берковецкое кладбище». Бабий Яр получил всемирную известность как место массовых расстрелов гражданского населения, главным образом евреев, цыган, украинцев, а также советских военнопленных, осуществлявшихся немецкими оккупационными

войсками в 1941 году. Всего было расстреляно, по одним источникам, до ста тысяч человек по другим свыше ста тысяч о чем свидетельствует надпись на центральном памятнике. Спаслось из Бабьего Яра 29 человек. Среди прочего, в 1941—1943 гг. в Бабьем Яру был расстрелян 621 член Организации украинских националистов.

В настоящее время на территории Бабьего Яра находятся несколько памятников и мемориальных комплексов жертвам Холокоста. До Куренёвской трагедии 1961 года здесь находился один из самых больших в Киеве оврагов — длина около 2,5 км, глубина — свыше 50 м. По его дну протекал одноимённый ручей, который сейчас взят в коллектор.

Во время Великой Отечественной войны немецкие оккупационные войска, занявшие Киев 19 сентября 1941, использовали Бабий Яр как место массовых расстрелов. Столица Украины находилась в немецко-фашистской оккупации 2 года — с 19 сентября 1941 года по 6 ноября 1943 года. За эти 2 года в результате геноцида были уничтожены 195 тысяч советских граждан — преимущественно русских, украинцев и евреев.

Самое злое место геноцида — это Бабий Яр, огромный ров 80м глубиной. Немецкая зондер-команда СС в своей карательной операции играла только лишь руководящую роль. Главную роль в исполнении геноцида играли коллаборационисты — бандеровцы, которые предали свой народ из шкурных интересов.

Первый расстрел произошёл 27 сентября 1941 — были расстреляны 752 пациента психиатрической больницы им. Ивана Павлова, которая находилась в непосредственной близости к оврагу. Точное место расстрела неизвестно.

Всего за время оккупации жертвами преступлений карательных органов стали около 220 тысяч киевлян. Среди расстрелянных в Бабьем Яру не только евреи и члены большевистского подполья, но и сторонники независимой Украины. В феврале 1942 года были арестованы и расстреляны представитель руководства ОУН К. Гупало, редактор газеты «Українське слово» И. Рогач и его сестра Ганна, поэтесса О. Телига и её муж М. Телига,

член союза украинских писателей И. Ирлявский и другие. Городской голова Л. Форостовский в своих воспоминаниях писал, что во время немецкой оккупации в Киеве «погибли десятки тысяч активно сознательных украинцев».

В течение нескольких дней относительного затишья население пыталось свыкнуться с новой жизнью, вчитывалось в приказы оккупационных властей, которые сыпались как из рога изобилия: одним надлежало зарегистрироваться, другим — сдать то-то и то-то, и уж всем без исключения сообщать о затаившихся врагах рейха. Усиленную активность стала проявлять немецкая полиция безопасности и СД, а также созданная на второй день после захвата города украинская полиция (ее возглавил член Организации украинских националистов А. Кабайда-Жуковский), костяк которой составили галичане, прибывшие с гитлеровцами. Началась волна арестов, обысков, облав, розыскных мероприятий по заранее подготовленным спецслужбами «Особой розыскной книге СССР», «Спискам по выявлению места проживания». Охотились за партийными и советскими работниками. В считанные часы в городе создалась накаленная атмосфера выискивания «обидчиков» — коммунистов, чекистов, активистов и сведения с ними счетов. Коснулось это и евреев.

Появлялось все больше признаков того, что устанавливавшийся в Киеве оккупационный режим имел четко выраженную антибольшевистскую направленность. Отношение к еврейскому населению со стороны нацистов и тех, кто их поддерживал, становилось все более агрессивным. Гитлеровские солдаты и местная полиция оцепили синагоги и вывезли всех молящихся в неизвестном направлении — никто больше никогда их не видел.

На уничтожении евреев и большевиков пытались играть гитлеровцы в своей политике порабощения и колонизации Украины. Концепция «иудобольшевизма», сконструированная Розенбергом и Гитлером, представлялась идеальным оружием в борьбе сразу против двух заклятых врагов фашизма: коммунизма и еврейства. О практическом применении этой концепции

позаботились в ставке Гитлера, издав 12 сентября 1941 г. директиву, в которой говорилось: «Борьба против большевизма требует беспощадных и энергичных действий прежде всего также против евреев, которые являются главными носителями большевизма» [5; стр. 24].

24 сентября на Крещатике силами НКВД были подорваны дома, в которых располагались представители оккупационной администрации. Взрывы и пожары продолжились в последующие дни, было уничтожено около 940 крупных жилых и административных зданий. В отчёте представителя имперского министерства оккупированных восточных областей от 5 октября 1941 года говорилось, что пожар распространился на площади 2 тысячи кв. м., без крова осталось около 50 тысяч человек. Нацисты использовали это как повод для уничтожения еврейского населения.

Повод был найден и судьба киевских евреев решена. Расстрел евреев в Бабьем Яру был организован в кратчайшие сроки. Уже 27–28 сентября на стенах домов, заборах и столбах появились объявления на грубой цветной бумаге с текстом на украинском, русском и немецком языках:

«Все жидаы города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян» [5; стр. 30].

Подписи под этим приказом не было.

Оккупационные власти проделали большой объем работы, связанной с проведением антиеврейской акции: 25 сентября они приняли прибывшего в Киев главного начальника СС и полиции обергруппенфюрера СС Ф. Еккельна — уже сам по себе этот визит за три дня до расстрела говорит о многом. 26 сентября Еккельн провел совещание с участием чинов СС, полиции безопасности и СД у коменданта города генерал-майора Эбергарда,

на котором был рассмотрен и утвержден план «мероприятия». Были подготовлены исполнители «акции»: вместе с вермахтом в город вошли подразделения, «специализирующиеся» на убийствах евреев — зондеркоманда 4 айнзацгруппы «С» под руководством штандартенфюрера СС П. Блобеля, части полицейского охранного полка Юг, а также Буковинский курень, возглавляющийся П. Войновским.

С помощью городской управы было определено место расстрела — целая сеть яров длиной 2,5 км, глубиной — 20–25 м, с одной стороны которых был пустырь, далее роща, а другая — упиралась в кладбище. Был выработан маршрут, назначено место сбора жертв, отпечатано и расклеено по всему городу до 2 тыс. объявлений с приказом.

Нацисты подготовили надежное обеспечение расстрельной акции: кроме спецподразделения СС, на которое была возложена главная роль, была привлечена новосозданная киевская полиция, задачей которой было обеспечение «порядка». Были проведены дезинформационные действия: распространялись слухи о переписи евреев, их переселении, проинструктированы тысячи управдомов и дворников. Было осуществлено множество других мер, последовательная реализация которых в очень сжатые сроки свидетельствует о том, что вступая в Киев гитлеровское командование уже вынесло смертный приговор евреям города и заранее начало подготовку к их массовому расстрелу. Весь комплекс мероприятий по подготовке небывалой еще карательной операции был завершен 28 сентября. Вермахт, СС и украинские «вспомогательные силы» работали четко и слаженно. Никаких разногласий между ними не было. Командовавший эсэсовской айнзацгруппой «С» д-р Раше сообщал в Главное управление имперской безопасности, что «предусмотрена казнь по меньшей мере 50000 евреев. Вермахт приветствует эти меры и просит о радикальных действиях» [5;33].

С рассветом 29 сентября начался исход десятков тысяч стариков, женщин, детей в братскую могилу в Бабьем Яру. Расстрелы продолжались в течение

пяти дней. Но наиболее интенсивными были первые два дня, когда погибла основная масса людей. К исходу пятого дня Киев стал городом, «свободным от евреев».

О том, что происходило в районе Бабьего Яра, стало сразу же известно киевлянам, а все детали и подробности произошедшего расстрела были рассказаны уже после войны теми очевидцами, которым удалось спастись из братской могилы еще до того, как немецкие саперы подорвали края яра и засыпали его земляным пластом. Это свидетельства Д.М. Проничевой и И.Н. Егорычевой-Минкиной, Р.Г. Дашковской, К.П. Белоусова (Л.Б. Пинзаветского), Е.Е. Бородянской-Кныш, Н. Эльборт, Альпериных, и, пожалуй, все. Есть несколько рассказов жителей Киева, русских и украинцев, провожавших соседей до места сбора. Эта информация в СССР долгие годы была закрытой. Она обнародована только через полвека, в 1991 г., в связи с 50-летием трагедии.

В общих чертах рассказы воссоздают картину происходившего. Массы людей, двигавшихся из разных районов города, сливались в один поток на ул. Мельникова. В конце ее, возле противотанкового рва, загороженного «ежами», была создана «застава», за которой развернута невидимая с улицы походная канцелярия. Поочередно от толпы отделяли 30–40 человек и под конвоем вели «регистроваться». У людей отбирали все документы и ценности. Документы в спешке бросали в мешки, а то и просто на землю, где они валялись толстым слоем. Затем евреев заставляли раздеваться и через проходы в насыпи выводили к краю оврага, на противоположной стороне которого на специально оборудованной деревянной платформе сидел пулеметчик. Под пулеметным огнем киевские полицейские загоняли палками, плетями, ногами растерянных, голых, обезумевших людей, не давая им возможности опомниться, сориентироваться. Рыдания, крики полицейских: «Скоріше, швидше!», мольбы о помощи, проклятия молитвы, заглушаемые веселыми мелодиями вальсов, несущимися из громкоговорителей, рокот мотора кружащего над яром самолета...

Ситуацию, сложившуюся в Киеве, отражает датированный 7 октября 1941 г. германский документ «Сообщение о событиях в СССР», подготовленный полицией безопасности и СД: «Еще ранее из-за занятия евреями лучших рабочих мест при господстве большевиков и из-за их службы в НКВД как агентов и доносчиков, а также из-за прошедших в Киеве взрывов и возникших крупных пожаров, возмущение населения против евреев было чрезвычайно большим» [5;40].

10 октября 1941 г. Рейхенау издал приказ о поведении войск на востоке, который был оценен Гитлером как образцовый. Документ гласил:

«Главной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру... Поэтому солдат должен сознавать необходимость жестокого, но справедливого наказания еврейских недочеловеков. Другая задача — задушить в зародыше восстания в тылу вермахта, зачинщиками которых, как показывает опыт, всегда являются евреи. Борьба с врагом за линией фронта оценивается еще недостаточно серьезно. Независимо от всех политических соображений в будущем солдат должен безусловно выполнять две задачи:

- 1) полное искоренение еретического большевистского учения, советского государства и его армии.
- 2) беспощадное искоренение животной хитрости и жестокости и тем самым защита жизни немецкого солдата в России. Только такими средствами мы сможем выполнить нашу историческую задачу освобождения немецкого народа от азиатско-еврейской угрозы».

[5;41].

Рейхенау был сторонником тесного сотрудничества армии со спецподразделениями СС, полиции безопасности и СД в уничтожении евреев . Фельдмаршал выдвигал лишь одно требование: на одного коммуниста расходовать не более двух пуль.

Взрывы, пожары, хаос, обстановка беды, страха, возмущения и подозрения дали нацистам повод для проведения однократной крупномасштабной истребительной операции по уничтожению евреев.

«Во всем виноваты евреи!» — этот погромный лозунг, распространявшийся нацистами, был подхвачен подголосками из местных жителей. Гитлеровцы руководствовались инструкцией, утвержденной 16 августа 1941 г. распоряжением начальника военно-административного отдела оперативного тыла группы армий «Юг»: «нужно создавать впечатление, что мы всегда действуем правильно. Если преступник не установлен, то акты саботажа и диверсий необходимо приписывать не украинцам, а евреям и русским: поэтому против них следует проводить репрессивные меры» [1;40].

В первые дни бедствия, вызванного взрывами, когда более 50 тыс. киевлян остались без жилья и имущества, гитлеровцы тщетно попытались «раскачать» население на погром в городе, его руками выполнить «грязную работу» по расправе над евреями. Д. Гуменная рассказывала о сцене, свидетельницей которой была:

« Возле немецкой легковой машины, остановившейся на ул. Меринговской , собрались люди, чего-то ждут. Но вот тянут два немца растрепанную женщину, на одной ноге у нее галоша, на другой туфель. Немцы бросают женщину на землю, она что-то лепечет, пытаясь объяснить, наконец, поднимается, опершись на машину. Истязатели с криками снова бросают ее навзничь, бьют и одновременно объясняют толпе, что, дескать, “юды поджигают каждый третий дом.... Еще томительная минута, — подбежал ее палач, сбросил с крыла лицом к земле и лежащую пристрелил...” [20; 172].

Подавляющее большинство киевлян испытывало одно чувство: потрясение тем, что нацисты сделали с жителями города. Киевлянка Гуменная, какое-то время ради пайка служившая на мелкой должности в управе одного из районов Киева, вспоминала: «Нет никого в Киеве, кто бы не испытывал отвращение и внутренне не содрогался от гитлеровской расправы

с евреями. Нет, кровавая гитлеровская купель киевлянам не по вкусу, нет тех голосов злорадства, на которые, возможно, Гитлер рассчитывал. Подло поступил Гитлер с евреями.» [20; стр. 173].

Со словами Гуменной перекликаются строки из дневника преподавателя Киевского педагогического института, а в годы оккупации заместителя директора Киево-Печерской Лавры В.М. Тверского: «Никогда бы не поверил этому, если бы это было кем-либо рассказано, где-либо напечатано. Но мы видели и не верить своим глазам не могли. Мы были на грани безумия, но выжили, чтобы всему миру рассказать об этом сверхчудовищном злодеянии в Бабьем Яру... Никакой изверг рода человеческого всех времен и народов не может пойти в сравнение с этими чудовищами. Может быть, только дикая фантазия могла вообразить это. И неужели на этой крови они хотели построить счастье немецкого народа.» [1; стр. 122].

Стремясь довести до конца уничтожение евреев, оккупанты уже после расстрела в Бабьем Яре вновь с помощью листовок обратились к населению, требуя под угрозой смертной казни не прятать евреев, а выдавать их властям. В приказах говорилось: «Если кто-нибудь пустит еврея на ночлег или жительство, будет немедленно расстрелян не только сам, но и его семья» [5;55].

За каждого выданного еврея, как и за коммуниста, а также работника НКВД полагалось вознаграждение: пять литров водки и пять тысяч рублей. В Киеве, «свободном от евреев», для украинцев жизнь лучше не стала, люди жили в страхе. Совершив свое дело, оккупационные власти показали, какими методами будут править, утверждая «новый порядок». Призрак Бабьего Яра вставал перед каждым киевлянином, независимо от национальности, деморализуя его. Нацистский порядок ощущал каждый человек, понимая, что на евреях нацисты не остановятся. В обзоре полиции безопасности и СД Киева за 1942 г. приводится текст такого распространенного в городе стишка : «Немцы пришли — гут. Евреям капут, цыганам тоже. Украинцам

позже». На устах у многих были слова: «Евреями растворяют, а замешивать будут на украинцах» [26; стр.10].

Многие люди хотели бы помочь гонимым и страждущим, но были страшно запуганы. В этой очень сложной морально-политической обстановке условия жизни в Киеве складывались не в пользу благих намерений: в городе преобладали коммунальные квартиры, где каждый знал все друг о друге, а управдомами и дворниками по распоряжению оккупационных властей осуществлялся неусыпный контроль за жильцами. Но рядом со злом существовало добро. Все, кто избежал неминуемой гибели, устроенной нацистами, были обязаны своим спасением порядочным людям — украинцам и русским, сохранившим истинную веру в христианские добродетели. Руку помощи погибавшим протянули протоиерей Русской православной церкви Алексей Александрович Глаголев и его семья, сами гонимые при советской власти. Идя на риск, они выдавали подложные документы о крещении, тайно поселяли евреев в церковных помещениях, приносили им еду и одежду. Так, укрывая И.Н. Миркину и ее дочь, супруга о. Алексея отдала ей свой паспорт и в течение двух лет прятала у себя дома. В последние годы стало известно немало случаев спасения евреев неевреями, прежде всего украинцами и русскими. Вот некоторые из них. Избегнувшая смерти в Бабьем Яре Е.Е. Бородянская-Кныш с маленьким ребенком своим спасением обязаны были сразу нескольким украинским женщинам - Ф. Шелест, Е. Литошенко, Ф. Плюйко, Шкуропадской, которые передавали ее из рук в руки. Каждая из них знала: достаточно одного доноса соседей и пощады не будет. В 1991 г. В. Альперин рассказал как его, пятилетнего мальчика, вместе с матерью и бабушкой вывел чуть ли не из-под пулемета за оцепление в Бабьем Яру украинской полицей, назвавшийся «паном Гордоном». Более того, на следующий день снабдил их справкой о том, что это украинская семья и даже помог получить ордер на поселение в другой квартире, потому, что в старой жить было опасно. На сегодня известны имена 140 евреев, спасшихся с помощью украинцев и русских. Даже в условиях беспощадного нацистского

«нового порядка» люди оставались людьми и, как образно и точно сказал писатель Василий Гроссман, «среди черных туч расового безумия, среди ядовитого тумана, человеконенавистничества сверкали вечные, неугасимые звезды разума, добра, гуманизма» [57; стр. 220]. Трагедия Бабьего Яра, как и подвиг тех, кто рискуя собственной жизнью спасал других людей, навсегда останутся в истории. Но ни тогда, ни позже ни одного конкретного факта или фамилии не было приведено даже в немецких документах. Нелепость попыток представить евреев как виновников большой беды киевского населения была очевидна даже для сбитой с толку охваченной паникой толпы горожан. Их несостоятельность подтвердилась и позднее, в октябре и даже в ноябре 1941 г., когда взрывы и пожары продолжались в уже «очищенном» от евреев городе.

После расстрелов осенью 1941 г. Бабий Яр стал местом массовых убийств партийных и советских активистов, подпольщиков, военнопленных. 10 января 1942 г. нацисты расстреляли здесь около 100 матросов и командиров Днепровского отряда Пинской военной флотилии. «Был мороз 37°, — рассказывали очевидцы, — а они шли на расстрел босые, в одних трусах, на теле виднелись синяки. Однако держались матросы мужественно и пели «Раскинулось море широко»[2; 150]. Тогда же здесь нашли свое последнее пристанище пять цыганских таборов. А еще через месяц в Бабьем Яре было расстреляно более 40 украинских националистов-подпольщиков, в числе которых была поэтесса О. Телига. По данным Т.С. Ковальского в Бабьем Яру были расстреляны «тысячи лучших украинцев»

Летом 1943 г. незадолго до оставления Киева нацисты задались целью уничтожить следы своего преступления. Для этого была проведена строго секретная «операция 1005», которой руководил штандартенфюрер СС Блобель. Всю местность вокруг Бабьего Яра объявили запретной зоной. Была создана бригада для сжигания трупов из политзаключенных киевского гестапо и узников сырецкого лагеря смерти. О том, что происходило в Бабьем Яру через два года после сентябрьских событий 1941 г. сообщил в

Комиссию по истории Великой Отечественной войны Академии наук УССР подпольщик Васильковского района Киевской области Н.В. Панасик. Задачей бригады, как рассказал Панасик, было раскапывать и сжигать трупы в Бабьем Яру, пепел развеять, а кости перемелить специальными машинами, присланными из Германии, просеивать сквозь сито и зарывать в землю.

«Яр имел глубину 80 м, — вспоминал Панасик, — на дне его был выкопан колодец метров 20 длины и 20 м ширины. Туда нагнали много людей. Когда выбрасывали землю с трупов, не было куда ногу поставить. Трупы лежали в строгом порядке, с наклоном вперед, как их расстреливали. Все в нижнем белье, женщины, младенцы, все с раскрытыми ртами, все в одном направлении. Раскапывать эти ямы приходилось босиком, ногами, закованными в кандалы. Трупы были давние и свежие. Возле них невозможно было стоять, голову дурманило от запаха, но их приходилось брать руками. Были у нас крючья по полметра, ими били по голове, крюк врезался в голову, таким образом труп вытягивали на кучу. Нам дали также экскаватор. Идешь по трупам, становишься на голову, волосы слезают, ноги загрузают в грудях... Смертников пригнали из Сырецкого лагеря военнопленных босыми. Я снял с трупа сапоги и одел их. Откапывая трупы, мы складывали их штабелями на специальных площадках. Расчищается земля, и на нее кладут камни от памятников, плиты, сверху рельсы, на рельсы положены ограды. На ограды — дрова, а на дрова — сотни трупов... Работали мы непрерывно, раскапывая все новые и новые ямы с трупами. Конца этому не было видно. Сожгли десятки куч трупов. С 27 августа до 29 сентября жгли день и ночь — непрерывно. Кучи от 2,5 тыс. до 5 тыс. трупов».

[32; 140].

В ночь с 28 на 29 сентября 1943 г., ровно через два года после расстрелов, из Бабьего Яра был совершен побег узников, которых на следующий день

должны были расстрелять. В числе других 12 смертников, всего в бригаде было около 300 человек, Панасику посчастливилось спастись.

В ряду многих истребительных акций, совершенных гитлеровцами и их приспешниками на Украине, массовое убийство киевлян стало восприниматься многими современниками не как не имеющее аналогов в мировой истории преступление против мирного населения, а скорее как статистика. В этом плане трагедия Бабьего Яра рассматривалась в документах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В атмосфере «позднего сталинизма» о Бабьем Яре говорили как о событии малозначительном. Эта тенденция сохранялась и в послесталинские времена. «Бабий яр, овраг на северо-западной окраине Киева, место массового уничтожения мирного населения и советских военнопленных немецко-фашистскими оккупантами в 1941–1943 гг. Всего в Бабьем Яре уничтожено фашистами св. 100 тыс. советских граждан. “Памятник (1976)”, - гласит Советский энциклопедический словарь» [51; стр. 150].

Трагедия Бабьего Яра- это трагедия всего украинского народа. До сих пор не известно, сколько человек было расстреляно в Бабьем Яре, среди них были не только евреи, там были расстреляны военнопленные, представители киевского подполья и просто провинившиеся перед немецкими властями граждане города Киева. Бабий Яр в литературе выступает, как символ братской могилы людей многих национальностей, как в прошлом СССР, так и современной Украины.

Е. Евтушенко в поэме «Над Бабьим Яром памятников нет» сравнивает крутой обрыв с грубым надгробьем- обычно надгробье ровное, ухоженное, а то, что он увидел-не приемлемо для места захоронения такого огромного количества людей. Это место связано с казнью людей, ни в чем не повинных младенцев и стариков, которых некому было защитить. Автор поэмы в конце пишет, что не важно, кто ты по национальности: еврей, русский, украинец или белорус, главное, что все мы -люди.

В одноименном романе А. Кузнецов так-же вспоминает о событиях в Бабьем Яре. В основном он опирается на воспоминания очевидцев расстрелов в Бабьем Яре, таких как Дина Проничева, которая шла на расстрел вместе со всеми евреями города и только чудом осталась в живых, благодаря тому, что на ее пути во время бегства из места расстрела оказались люди, которым ее судьба была не безразлична, таким образом мы убеждаемся, что для украинцев так-же был чуждым антисемитизм, как и для русских. Кузнецов упоминает, что накануне по всему городу были расклеены объявления, в которых говорилось, что все евреи города должны собраться для отправки в особое место для проживания, так-же немцы уверяли, что все евреи будут обеспечены всем необходимым : продуктами питания, жильем на новом месте. Как оказалось на самом деле, людей обманули и погнали на расстрел, многие догадались о своей участи лишь на месте казни. Кузнецов упоминает и о Сырецком лагере для военнопленных, который был расположен на территории Бабьего Яра. Бабий Яр стал символом смерти, символом непримиримого отношения к уничтожению не только определенной нации, а и всего человечества. В каждом оккупированном фашистами городе были свои «Бабьи Яры» - места расстрелов как военнопленных, так и местного населения.

Глава 2. Трагедия Бабьего Яра в литературе и кинематографии.

Трагедия «Бабьего Яра» стала сначала предметом не исторического, а литературного осмысления. Историки благодарны Александру Борщаговскому за пьесу и киносценарий «Дамский портной», Анатолию Кузнецову за его повесть, Евгению Евтушенко за поэму и Дмитру Павлычко за реквием. Эти художественные произведения называются одинаково: «Бабий Яр». Пьеса или поэма - это не архивный источник, а документальная повесть Кузнецова основана на неполной версии показаний Д.М. Проничевой над немецкими военными преступниками в январе 1946 г. В полном объеме стенограмма рассказа Проничевой была опубликована лишь в 1991 г.. В целом же литература о Бабьем Яре относительно невелика.

После освобождения Киева в разрушенный город приехал писатель Илья Эренбург и попросил очевидцев показать место трагедии. 14-летний Игорь Иванов, тогда еще подросток, а со временем, главный архитектор Киева, стал первым проводником писателя. Это он первым показал, где карательные отряды расстреливали толпы голых людей, где уничтожали моряков Пинской флотилии, где сжигали трупы... Именно в те ноябрьские дни 1943-го, рассказывая о трагедии на окраине Киева, Илья Эренбург впервые назвал ее «Бабий Яр»:

К чему слова и что перо,
Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник ядро,
Я волочу чужую память?..
Задуйте свет. Спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы – овраги

[57; стр. 40].

Сразу после освобождения Киева в Бабьем Яру побывал корреспондент «Правды» Борис Полевой, а прославленный украинский кинорежиссер Александр Довженко начал уже снимать фильм с таким же названием «Бабий Яр». Помощниками в этом были оставшиеся в живых на Подоле киевляне,

доживающие свой век в хатах-мазанках солдатские вдовы и старые бабки. И проживали они на подольском переулке, который так и назывался – Бабий Яр.

Глава 2.2 Анатолий Кузнецов и его взгляд на события в Бабьем Яру.

Анатолий Кузнецов, уроженец Киева, в 1941 году вместе со своей матерью, дедом и бабушкой, не успел эвакуироваться из родного города. В течение двух лет Кузнецов прожил в Киеве, где стал свидетелем зверств немецких оккупантов в отношении мирного населения. Как бывший в оккупации, он бы не смог поступить в Литературный институт, но после смерти Сталина в 1953 году ему это удалось.

Первую рукопись Кузнецов принёс в редакцию журнала «Юность» в 1965 году. Он надеялся, что на волне «оттепели» роман будет опубликован полностью, однако его заставили сократить текст. В частности, были убраны как «антисоветчина» главы книг о взрыве советскими войсками при отступлении главной улицы Киева — Крещатика, и Киево-Печерской Лавры, информация о Куренёвской трагедии 13 марта 1961 года. По воспоминаниям писателя, «рукопись была нарасхват, все читали, восторженно отзывались в личном разговоре, а официально они выдвигали убийственную критику» [40; с тр.10]. В конечном итоге рукопись без ряда глав дошла до ЦК КПСС, где её лично прочёл главный идеолог СССР Михаил Суслов, которому она понравилась, но, так как читал он без некоторых разделов, то эти разделы были также убраны. Дополнительным аргументом к разрешению отправки в печать «Бабьего Яра» было то, что роман якобы опровергал нашумевшее в своё время стихотворение Евгения Евтушенко «Над Бабьим Яром памятника нет...» Сам же Кузнецов уверял, что это не было его целью, а хотел лишь рассказать о Бабьем Яре куда больше и во всех аспектах.

«Бабий Яр» – довольно зрелое произведение не только в контексте антивоенных, гуманистических идей и критического отношения к истории.

Его содержание оправдывает название и довольно подробно описывает те самые массовые убийства, совершенные в урочище за два года немецкой оккупации. Бабий яр является вторым по значимости символом Холокоста после лагеря смерти Освенцим. В книге же Кузнецов, определив его как место упокоения десятков тысяч людей, также сделал его символом зверств. Он последовательно описывает разные практики и периоды отлова жителей Киева и «утилизации» их в земле Яра. В этой части роман как раз напоминает больше исторический очерк, чем художественный рассказ.

Здесь в ход идут, опять же, воспоминания самого Кузнецова, жившего за холмом и слышавшего неустанные пулеметные очереди.

Сам Кузнецов в романе рассказывает о событиях в Бабьем Яру начиная с расстрела евреев и заканчивая концлагерем, который был там устроен, и в котором находились как военнопленные, так и простые граждане, которые так или иначе провинились перед немецкой властью.

На первый план автор выводит самого себя, как очевидца событий, ведь он жил рядом с этим оврагом, также он пишет о том, как фашисты расстреливали евреев в Бабьем Яре, и здесь он опирается на воспоминания непосредственной очевидицы расстрела Дины Проницовой, которой по счастливой случайности удалось остаться в живых. Также А. Кузнецов в своем романе неоднократно обращает внимание читателя на объявления, которые были расклеены по всему городу, в которых немецкая власть обращалась к населению города Киева с различными приказами и сообщениями, а так-же – обращает внимание читателя на статьи из газеты «Украинское слово», позже она была закрыта и переименована в «Новое украинское слово».

Автор обращается к различным обращениям немецких властей к киевлянам, в которых сообщалось о различных событиях в жизни горожан, начиная сборами евреев в Бабьем Яре и заканчивая тем, что в ноябре 1943г. все жители Киева будут эвакуированы в Германию. Затем он включает в

роман сбежавшего из лагеря для военнопленных Василия, который рассказывает ему о всех ужасах, которым подвергались там солдаты.

На первый план в романе выходит жизнь и быт простых людей, которые остались в оккупированном Киеве, как только немцы вступили в город последовал указ, о котором пишет сам А. Кузнецов: « Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и проч.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.»[40; 33].

Здесь Кузнецов обратился к воспоминаниям непосредственной свидетельницы трагедии Дины Проничевой, которая чудом спаслась из этого ада:

«В семь часов утра я была у своей матери, и в начале восьмого мы отправились в указанное в приказе место. По улицам пройти было невозможно – на подводах, машинах, двуколках везли вещи, стоял страшный гул, людей собралось очень много: старики, матери с грудными детьми, старухи. Мы шли толпой...Люди на расстрел шли все окровавленные...Но когда я посмотрела в сторону раздетых, очевидно, меня снизу заметила мать и закричала: “Доченька, ты не похожа, спасайся!”. Мне хотелось броситься их защищать, но инстинкт самосохранения подсказал – ты не спасешь. Я должна была пройти этот коридор...

Я поднялась на бугорок, села. Сначала смотрела на все эти ужасы: на моих глазах евреев раздевали, били, люди истерически смеялись, видимо, сходя с ума, становились за несколько минут седыми. Грудных детей вырывали у матерей и бросали вверх через какую-то

песчаную стену... Туда люди входили и не возвращались... Мне стало очень тяжело, так как я лежала лицом вверх...»

[40; стр.29].

Дине пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из яра. Расстрелы всё продолжались и продолжались, и этому не было конца. Дина вспоминает дальше:

«Рассвело, и на противоположной стороне в направлении Куренёвки мы увидели: немцы вели двух женщин-евреек. Я хорошо знаю, что это были еврейки, так как слышала, как они кричали на еврейском языке. Немцев было семь человек, они по очереди насиловали женщин, потом тут же закололи их кортиками и сбросили вниз...

Также я увидела, как подошла какая-то женщина с ребенком на руках, смотрела вниз, смеялась и разговаривала с немцами, которые в нее стреляли...»

[40; стр.30].

Мирное население города боялось помогать евреям. За то, что жители прятали «юден», они подвергались расстрелу, каждому было страшно не только за себя, но и за своих родных. Кузнецов пишет: «– Ось, пан, сюда, – сказала полицаю, указав на Дину, хозяйка дома, куда она пришла на второй день расстрелов. Проничеву арестовали, но вечером Дине и ее новой подруге Любе удалось бежать. Они выпрыгнули из грузовика, который снова вез их в Бабий Яр...»[40; стр. 30].

Были и такие люди, как Тося, жена двоюродного брата Дины, которые шли на риск и спасали людей не смотря ни на какие угрозы. Тетя Тося по национальности была полька, и поэтому немцы ее не трогали. Между тем, она была связана с киевским подпольем. Об этом пишет в своем романе Кузнецов, опираясь на воспоминания Дины Проничевой: «На третий день нас обнаружили. Шли два немца и инженер завода, который меня за кого-то принял (он обознался) и спросил: “Вы, кажется, работали у нас в инструментальном цеху?”. Я поспешила согласиться с ним, что

действительно работала, и он объяснил немцам, что я местная... Нам поверили и предложили перейти в бывшие армейские казармы, так как завод огораживался и вокруг жить нельзя. Мы согласились, что было делать...» [40; стр.33].

В романе А. Кузнецов еще упоминает о том, как немцы отправляли молодежь в Германию на работу. Не только евреям приходилось скрываться от немцев, скрываться приходилось и молодежи. Сначала фашисты заманивали людей обещаниями лучшей жизни, говорили, что работодатели будут относиться к ним очень хорошо. Кузнецов в романе обращает внимание на объявления, которые были расклеены по всему городу:

«УКРАИНСКИЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ!

Большевистские комиссары разрушили ваши фабрики и рабочие места и таким образом лишили вас заработка и хлеба.

Германия предоставляет вам возможность для полезной и хорошо оплачиваемой работы.

28 января первый транспортный поезд отправляется в Германию.

Во время переезда вы будете получать хорошее снабжение, кроме того, в Киеве, Здолбунове и Перемышле – горячую пищу.

В Германии вы будете хорошо обеспечены и найдете хорошие жилищные условия...

Плата также будет хорошей: вы будете получать деньги по тарифу и производительности труда...

Добровольно желающие поехать в Германию, должны объявиться на

БИРЖЕ ТРУДА В КИЕВЕ

Ежедневно с 8 до 15 часов...

Генерал-комиссар И. КВИТЦРАУ С.А. Бригадефюрер.»

[40; 60]

Со слов писателя мы узнаем, что первый поезд в Германию набран был досрочно, в нём были одни добровольцы, которые отправлялись в Германию с надеждой на лучшую жизнь. В газете был напечатан репортаж о счастливых людях, отправившихся «приобрести навыки культурного труда»,

« пройти школу жизни» и т.д... Следующие два поезда были набраны из тех, кто окончательно изголодался, кому нечего было терять, и на кого произвели впечатление слова о хорошей жизни в Германии.

Но как оказалось на самом деле, в поездах людей практически не кормили . Работать приходилось в нечеловеческих условиях. Людей продавали и покупали на рынках в германии и хозяева относились к ним, как к самым ленивым рабам. Постоянно избивали, еда была плохой и ее было мало, на заводах рабочее время было по 12 часов, в хозяйствах работали от темна и до темна, даже коровам и лошадям жилось намного лучше, чем рабам. Женщинам и девушкам был верный путь в наложницы.

Весь 1942 год был годом угона в рабство для всего населения не только города Киева, а и всей Украины, людей вылавливали на улицах, рынках, за ними постоянно охотились. За неявку на пункт сбора грозил расстрел. А. Кузнецов пишет:

«Одна женщина на Куреневке отрубила себе топором палец; другая вписала себе в паспорт чужих детей и одалживала детей у соседей, идя на комиссию. Подделывали в паспорте год рождения; натирались щетками, драли кожу и смачивали уксусом или керосином, чтобы вызвать язвы; давали взятки – сперва освобождение от Германии стоило 3000 рублей, потом цена поднялась до 15 000. Год, с которого брали, быстро снизился: с шестнадцати, потом с пятнадцати, наконец, с четырнадцати лет.

На плакатах, в газетах и приказах Германия называлась только “прекрасной”. Печатались фотоснимки о жизни украинцев в прекрасной Германии: вот они, солидные, в новых костюмах и шляпах , с тростями, идут после работы в ресторан, кабаре или кино; вот молодой парень покупает цветы в немецком цветочном магазине, чтобы подарить любимой девушке; а вот жена хозяина штопает ему рубашку, ласковая и заботливая...»

[40; 72]

Писатель нам приводит некоторые письма, изъятые немецкой цензурой, написанные советскими гражданами домой из Гемании:

«...Если кто-нибудь отставал, останавливался или отклонялся в сторону, полицаи стреляли. По дороге в Киев один человек, у которого двое детей, прыгнул из вагона на ходу поезда. Полицаи остановили поезд, догнали беглеца и выстрелами в спину убили его. Под конвоем нас водили в уборную, а за попытку бежать – расстрел.

В бане мы пробыли до 3 часов дня. Здесь я вся дрожала, а под конец едва не теряла сознание. В бане купались вместе и мужчины и женщины. Я горела со стыда. Немцы подходили к голым девушкам, хватали за грудь и били по непристойным местам. Кто хотел, мог зайти и издеваться над нами. Мы – рабы, и с нами можно делать что угодно. Еды, конечно, нет. Надежды на возвращение домой – тоже никакой.»

«...Сейчас я нахожусь в 95-ти км от Франции, в предместье города Трир, живу я у хозяина. Как мне здесь, вы сами знаете. У хозяина 17 голов скота. Мне нужно каждый день 2 раза вычищать. Пока вычищу, аж тошно мне станет. В животе распухло, так что нельзя и кашлянуть. В свинарнике пять свиней, его тоже надо вычищать. Как чищу, так мне и света не видать за слезами. Затем в комнатах убрать: 16 комнат, и все, что где есть, – всё на мои руки. Целый день не присаживаюсь. Как лягу спать, так не чувствую, куда ночь делась, уже и утро. Хожу, словно побитая... Хозяйка – как собака. В ней совсем нет женского сердца, только в груди какой-то камень лежит. Сама ничего не делает, лишь кричит как одержимая, аж слюна изо рта катится».

«...Когда мы шли, на нас смотрели, как на зверей. Даже дети и те закрывали носы, плевали...

Мы стали ждать, чтобы поскорее кто-нибудь купил нас. А мы, русские девушки, в Германии не так уж дорого стоим – 5 марок на выбор. 7 июля 1942 г. нас купил один фабрикант... В 6 часов вечера нас повели есть. Мамочка, у нас свиньи этого не едят, а нам пришлось

есть. Сварили борщ из листьев редиски и бросили немного картошки. Хлеба в Германии к обеду не дают... Милая мама, относятся к нам, как к зверям... Кажется мне, что я не вернусь, мамочка.»

[40; 80]

Анатолий Кузнецов вспоминает и о судьбе военнопленных в Киеве, она была так-же незавидной. Немцы в Дарнице обнесли колючей проволокой огромную территорию и загнали туда первых 60000 пленных. Они сидели просто на земле, командиров, политработников и евреев содержали отдельно за колючей проволокой, их вовсе не кормили, приходилось питаться росшей на земле травой, трава была съедена очень быстро. Если жители Киева и близлежащих деревень узнавали, что в лагере находятся их родные, то приносили им передачи, немцы еду принимали, но до пленных она всё равно не доходила. Со временем пленных начали кормить вареными овощами, похлебка была несъедобной, но кушать её приходилось. О жизни в лагере для военнопленных Кузнецов пишет об этом со слов сбежавшего военнопленного Василия. После окончания войны было установлено, что в лагере погибло 68000 человек.

Спустя время военнопленных перегнали в Бабий Яр, на территории которого был создан концлагерь для военнопленных, жидов и других попавших по разным причинам людей. Там они жили в землянках, отдельно были землянки для жидов и женские. Заключение там содержались в нечеловеческих условиях: утром выдавали кусок эрзац хлеба и пойло в виде кофе, и вечером была похлебка, им разрешалось утром назначить дежурных, которые обходили лагерь вдоль колючей проволоки и собирали погибших за ночь под током собак, кошек, зайцев и начиналась в лагере так называемая «барахолка»- меняли мясо на какие-либо предметы обихода. С посудой какими-то ржавыми банками. А. Кузнецов в своем романе пишет о этих событиях, опираясь на воспоминания Панасика:

«Стреляли за то, что второй раз становился в очередь за едой; сыпали также было нелегко, в основном её забирали у уже умерших и пользовались

“автоматы” за то, что не снял шапку. Когда в “больничной” землянке скопилось много больных, их выгоняли, кляли на землю и строчили из пулеметов. А “зарядки” даже за наказание не считались, это было сплошь и рядом: “вставай”, “ложись”, “рыбьим шагом”.»[40; 210]

Над заключенными издевались как физически, так и морально: расстреливали за любую провинность, заставляли одного заключенного лезть на верхушку дерева и привязать туда веревку, а другие заключенные должны были пилить дерево и дернуть его за веревку, сидевший на верхушке падал вместе с деревом и разбивался на смерть, постоянно проводились расстрелы жителей Киева и других городов Украины, а заключенные должны были наблюдать за происходящим. Бабий Яр был нескончаемой могилой для попавших туда. Просто кто-то умирал там сразу, а кому-то суждено было умереть с отсрочкой. Из воспоминаний Панасика:

«18 августа 1943 года всех заключенных концлагеря Бабьего Яра выстроили на центральном плацу. Въехали военные грузовики, с них стали спрыгивать эсэсовцы в касках, с собаками.

Все поняли, что это начало конца.

На днях лагерь бомбили советские самолеты. Бомбы легли точно по периметру – ясно, что была цель разрушить заграждения. Проволока была повреждена только в одном месте, ее быстро починили, но немцы, видимо, поняли, что лагерь пора ликвидировать.

Вынесли стол, ведомости, картотеки, выстроили всех в очередь, которая стала двигаться мимо стола. Ридер смотрел в списки и отправлял одних заключенных налево, других направо. Сперва отобрали ровно сто человек – особо опасных политических. Эсэсовцы закричали: “Вперед! Бистро! Бистро!” – посыпались удары, и сотня вышла за ворота.»

[40; 211]

Чтобы скрыть следы своих преступлений, фашисты заставляли заключенных выкапывать трупы убитых горожан, евреев и сжигать их в

специально возведенных огромных печах, а прах рассыпали по ближайшим огородам, эти печи работали от зари и до зари:

«Немцы очень торопились, только и слышно было: “Бистро! Бистро! Шнель!” Но трупов была тьма...

Каждый заключенный понимал, что дороги из лагеря обратно нет, один выход, чтобы выжить хоть кому-нибудь, устроить бунт в лагере... Ждали только удобного момента и вот он настал: «Были темнота и туман. Невозможно разобрать, где что делается: кто рвал руками овчарок, кто бил немца молотком по голове, катались по земле сцепившиеся...В небо полетели ракеты. Стрельба пошла по всему Бабьему Яру...

Из 330 заключенных спаслись всего 15 человек. Они потом пошли в Советскую Армию, часть погибла на фронте... До нашего времени живы всего 9 участников этого беспримерного восстания.»

[40; 215]

В романе мы видим не только участь евреев и заключенных в Бабьем Яре, но мы видим и жизнь горожан, полную страха за свою жизнь и жизнь своих близких, мы узнаем, как люди пытались выживать в условиях оккупации, помогали друг другу. Как дети добывали себе и своим родным еду, воруя овощи с проезжающих трамвайных платформ, рискуя попасть под колеса трамвая. Труднее всего было детям, ведь их лишили спокойного детства, детских радостей, лишили возможности получить хорошее образование, дети сразу выросли, шли на тяжелые работы, а иначе грозил им расстрел за неповиновение.

Не менее страшно описано отступление немцев осенью 1943 года, практически все население Киева было сослано в Германию, за неповиновение-расстрел, в газете было напечатано обращение:

«К населению города Киева.

Западный берег Днепра и г. Киев всеми средствами будут защищаться немецкими войсками. Районы г. Киева, находящиеся вблизи Днепра, станут боевой зоной.

Немецкие войска в эти дни располагаются там на свои позиции. Чтобы предотвратить ненужные жертвы среди населения и чтобы гарантировать боевые действия без препятствий, боевая зона в городе должна быть освобождена... Я надеюсь, что население в собственных же интересах выполнит это распоряжение без сопротивления.

Всех, кто после указанного времени без особого пропуска будет находиться в запретной зоне, ожидает суровая кара.»

[40; 220]

Было объявлено, что население Киева будет эвакуировано в Германию, чтобы избежать жертв среди населения города. На самом деле людей прикладами гнали из их собственных домов за пределы так называемой боевой зоны, затем насильно сажали в трамваи и везли на железнодорожную станцию и вывозили в Германию. Некоторым горожанам удалось спрятаться от немцев и избежать участи рабов, среди них были и Толя с мамой, его дед, подруга Толиной бабушки с мужем. Приходилось теперь уже прятаться не только от немцев, но уже и от бомбардировок своих самолетов. Но это уже была надежда на скорейшее освобождение, радость ожидания мирной жизни.

Оставшиеся жители Куреневки выбежали навстречу первым советским солдатам и встречали их с безумной радостью. Эту встречу Кузнецов описал так:

«Какие-то живые существа, не то люди, не то звери, лезли на четвереньках на крутую насыпь.

Я понял, что это такие же прятавшиеся, как мы, кинулся вверх, обгоняя их, но я уже не был первым. Там, наверху, на рельсах, обнимались, плакали, истерически визжали женщины, оборванные старухи кидались на шею советским солдатам.

Солдаты деловито спрашивали:

– Немцы есть?

– Нет! Нет! – рыдая, кричали им.

Солдат было немного, несколько человек, очевидно, разведка...

– Ну шо, намучились? – весело спросил он.

– Намучились! – завыли бабы в один голос...

А я не побежал – я полетел к дому, ворвался в окоп, закричал во всё горло:

– Наши пришли!

Освобождение Киева продолжалось всю ночь...»

[40; 228]

Роман « Бабий Яр» А. Кузнецова стал откровением, правдой об оккупации Киева и о том самом овраге, где были расстреляны сотни тысяч мирных людей, военнопленных, просто граждан СССР. Эта книга - не только памятник погибшим людям. Это книга-призыв ко всему человечеству, мольба о вечном мире, желание отказаться от тоталитарных режимов. Сама по себе история Бабьего Яра вызывает не только интерес, сочувствие, возмущение, (и здесь рассказ очевидца тех событий очень важен и уникален) но снова и снова заставляет задуматься о том, что несмотря на многочисленные миллионные потери, целенаправленное уничтожение целых народов, люди ни чему не учатся, продолжая всё так -же убивать друг друга за мнимые идеи, предавать за гроши и ненавидеть только потому, что человек другой веры. И чем дальше от нас та война и те события, тем скорее стирается память о ней. Нужно знать и помнить, что было и как. Какой ценой , достался мир и жизнь на белом свете. Эта книга заставляет вспомнить о тех событиях и не забывать их. Параллельно с историей Бабьего Яра автор рассказывает свою личную историю , полную лишений, тревог , голода и холода. Автору, будучи свидетелем и участником событий, трудно сохранять объективность. И его попытка рассказать всё без утайки, не скрывая каких-то нелицеприятных моментов, как и сама его исповедь, заслуживают по меньшей мере уважения.

Глава 2.3 Бабий Яр в лирических произведениях.

По просьбе Виктора Некрасова Анатолий Кузнецов привел молодого поэта Евгения Евтушенко в Бабий Яр.

Это был уже август 1961 год. После окончания войны прошло 16 лет. Вместо памятников погибшим людям, он увидел свалку мусора и запустение. И Евгений Евтушенко написал поэму о том, что его поразило больше всего. Кузнецов впоследствии напишет об этом дне: «Евтушенко, с которым мы дружили и учились в одном институте, задумал свое стихотворение в день, когда мы вместе однажды пошли к Бабьему Яру. Мы стояли над крутым обрывом, я рассказывал, откуда и как гнали людей, как потом ручей вымывал кости, как шла борьба за памятник, которого так и нет» [12; стр. 11].

Поэт прочел «Бабий Яр» со сцены московского Политехнического музея. Дмитрий Цвибель это выступление описывает в своей статье «Бабий Яр»:

«В середине сентября 1961 г. поэт Евгений Евтушенко впервые прочел свое стихотворение “Бабий Яр”, сделавшее его всемирно известным.

Задолго до начала вся площадь перед музеем была заполнена людьми, жаждающими билетов. Порядок обеспечивала конная милиция. Несмотря на наличие билета, я долго пробирался к зданию музея и с трудом попал на балкон третьего яруса.

В зале были заполнены не только все проходы, но и сцена, где вплотную стояли стулья, а там, где их не было, люди просто садились на пол. Для поэта была оставлена площадь не более одного квадратного метра. Евтушенко читал свои уже известные стихи и новые. Однако чувствовалось, что публика ожидает чего-то необычного. И вот в конце второго отделения Евтушенко объявил: “А сейчас я вам прочитаю стихотворение, написанное после моей поездки в Киев. Я недавно вернулся оттуда, и вы поймете, о чем я говорю”. Он

вынул из кармана листки с текстом, но, по-моему, ни разу в них не заглянул. И раздалось в замершем зале медленное чеканное:

Над Бабьим Яром памятников нет.

Крутой обрыв, как грубое надгробье...

В зале в мертвой тишине послышались всхлипывания. В середине стихотворения люди начали, как замороженные, подниматься и до конца слушали стоя. И когда поэт закончил стихотворение словами:

Все молча здесь кричит, и, шапку сняв,

я чувствую, как медленно седею.

И сам я, как сплошной беззвучный крик,

над тысячами тысяч погребенных...

– зал еще какое-то время молчал. А потом взорвался. Именно “взорвался”. Тому, что произошло, я не могу найти другого слова. Люди вскакивали, кричали, все были в каком-то экстазе, необузданном восторге. Впервые во весь голос было сказано, что в Бабьем Яре были расстреляны не просто “мирные советские люди”, а евреи. И только потому, что они были евреями».

[39; стр. 341].

Евтушенко был очень сильно потрясен тем, что смерть такого количества людей замалчивается властями, даже памятника никакого нет о той трагедии, которая произошла во время оккупации Киева. Он сравнивает крутой обрыв с грубым надгробьем, надгробье должно быть над каждой могилой, так было заведено испокон веков у христиан. Ему страшно, ведь там лежат люди его возраста, такие же молодые, как и он сам, и в то же время он себя чувствует таким же древним, как и сам еврейский народ. Поэт переживает и скорбит по убитым.

Сравнение – один из центральных тропов поэмы. Лирический герой стихотворения ассоциирует себя с иудеем, с Христом, Дрейфусом, мальчиком из Белостока, с еврейской девочкой Анной Франк.

Лирический герой представляет себя иудеем, ставит себя на место евреев, проходит путь Христа, примеряет на себя его судьбу.

Мне кажется сейчас -
я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне – следы гвоздей...

Дрейфус - французский офицер, еврей по национальности, несправедливо осужденный судом. Сравнивает не себя с ним, а самих расстрелянных евреев, ведь они так-же были не виновны в преступлениях, в которых их обвиняли фашисты. Такие же затравленные, оболганные, оплеванные. На евреев доносили простые мещане, они же их и осуждали.

Мне кажется, что Дрейфус -
это я.
Мещанство -
мой доносчик и судья.
Я за решеткой.
Я попал в кольцо.
Затравленный,
Оплеванный...

Затем Евтушенко сравнивает себя с мальчиком из Белостока:

Мне кажется -
я мальчик в Белостоке.
Кровь льется,
растекаясь по полам,

Этот мальчик – лицо не вымышленное. Илья Куксин пишет: «Так стал называть себя после публикации стихотворения Евгения Евтушенко “Бабий Яр” бывший узник гетто в Белостоке и нацистских концлагерей Освенцима, Майданека и Дахау Самуэль Писар. Ныне он известный американский и международный юрист, в прошлом консультант Президента США Кеннеди, ряда правительственных организаций, Международного Олимпийского комитета, политический и общественный деятель, писатель.»[38; 236].

Русские по своей сущности толерантно относятся к людям других национальностей, им не важно кто ты: еврей, украинец, белорус – мы все равны друг перед другом.

Лирический герой вспоминает еврейскую девочку Анну Франк- из-за того, что она по происхождению еврейка вместе с сестрой погибает в немецком концлагере. Он ее сравнивает с веточкой в апреле, она только начинает жить, ей так хотелось жить, еще так много впереди в жизни интересного, не надо ничего другого, только жить и познавать вкус жизни.

Мне кажется –
я – это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле...

Люди были настолько напуганы, что любые естественные проявления жизни (ледоход, весенний ветер...) принимают за вражеское вторжение. А это ужасно, когда вся жизнь воспринимается в черных красках, когда это становится ее нормой.

Сюда идут?
Не бойся — это гулы
самой весны –
она сюда идет.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет – это ледоход...

Евтушенко вновь обращается к Бабьему Яру, над ним шелестят дикие травы, даже деревья смотрят грозно, как- будто осуждают человечество за забвение погибших здесь людей. Сама природа указывает на то, что произошло здесь десятилетия назад, автор настолько переживает о произошедших здесь расстрелах, что даже чувствует, как медленно седеет. Душа его кричит о тех тысячах погибших и скорбит, он сопоставляет себя с каждым расстрелянным здесь стариком, каждым расстрелянным ребенком.

Лирический герой осуждает замалчивание и предание забвению страданий тех людей, которые были здесь расстреляны.

Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому –
я настоящий русский!

В 1961 году в «Литературной газете» была опубликована поэма Евтушенко «Бабий Яр». Она получила широкий резонанс в обществе, Евтушенко получил тысячи писем с благодарностями. Однако со стороны власти последовала критика, причем на самом высоком уровне. На встрече с интеллигенцией 9 марта 1963 г., о «Бабьем Яре» Е. Евтушенко высказался сам Хрущев: «За что критикуется это стихотворение? За то, что его автор не сумел правдиво показать и осудить фашистских, именно фашистских преступников за совершенные ими массовые убийства в «Бабьем Яру». В стихотворении дело изображено так, что жертвами фашистских злодеяний было только еврейское население, в то время как от рук гитлеровских палачей там погибло немало русских, украинцев и советских людей других национальностей. Из этого стихотворения видно, что автор обнаружил незнание исторических фактов.»[38; 352]

Одновременно были и другие – совершенно антиномичные – оценки.

Оценивая значение поэмы, Дмитрий Шостакович писал:

Многие слышали о Бабьем Яре, но понадобились стихи Евтушенко, чтобы люди о нём узнали по-настоящему. Были попытки стереть память о Бабьем Яре, сначала со стороны немцев, а затем — украинского руководства. Но после стихов Евтушенко стало ясно, что он никогда не будет забыт. Такова сила искусства.»[23; 120]

Евгений Сидоров в книге «Евгений Евтушенко: личность и творчество» отмечал, что в создании в Киеве памятника жертвам Бабьего Яра есть в том числе и заслуга автора поэмы.

О Бабьем Яре было написано не одно стихотворение, как после войны, так и в наше время. Не одно поколение проявляет сострадание к погибшим там людям, ведь это не только трагедия еврейского народа, но и народа Украины, а в частности –населения города Киева.

И вот наступил год 2016-й. Сначала 75-летие со дня начала Великой Отечественной войны, когда день 22 июня по праву стал Днем Всенародной Памяти и Скорби, а затем и последние дни сентября, начиная с 27 числа, которые также должны стать те ми же самыми Днями Всенародной Памяти и Скорби.

В память о трагедии в Бабьем Яре были написаны десятки поэм, в том числе и киевлянина Иммануила Глейзера, написанная в 2005 году:

В поэме хорошо показана эмоциональная окраска чувств лирического героя: сочувствие, переживание, ненависть к фашистам, душевная боль из- за происходящего расстрела мирного населения. Эта поэма написана в год шестидесятилетия трагедии в Бабьем Яре.

В поэме присутствуют метафоры: золотой порой, кружит бабье лето, грозит прохлада, приближение ада, смутная ноша, текли потоком души, регистрация отправки в тартарары, беспощадно вспорот Бабий Яр, истлевают кости,, из- под земли исходит стон, детский шум на погосте, спорит с тишиною надпись из Давидова псалма.

Автор указывает нам на красоту города Киева, последние теплые дни, как напоминание о прошлой мирной жизни:

Киев золотой порой-
Яркий праздник цвета.
Облетающей листвой
Кружит бабье лето.

В первой части поэмы ведется повествование о предстоящем расстреле, о сборах людей, о процессии, идущей к Бабьему Яру на расстрел. Лирический герой рассказывает, как собирались люди, как они шли к месту сбора:

Люди шли под смутной ношей,
На повозках скарб везли,
В тот обрыв, травой поросший,
В сущий ад родной земли.

Его поражает, что расстрелянных сбрасывают не в вырытую могилу, а в обрыв, поросший травой. Нет никаких признаков, что это –будущая могила.

Он проводит параллель, между идущими на расстрел и теми людьми, которые видели, как вели обреченных на расстрел. Его поразило, что некоторым было все равно, что произойдет с идущими людьми, страшно, что никто даже не попытался намекнуть о грозящей беде, ведь догадывались же они, куда гонят евреев.

У каждого христианина есть своя душа, у автора люди уже ассоциируются с душой, ведь с телом им приходится прощаться, хотя внутри у них еще теплится надежда, что все будет хорошо, никто не хотел думать о плохом.

И текли потоком души
Что- то теплилось пока.

А сейчас всех ждет неминуемая гибель. Лирический герой нам говорит , что идет отправка в тартарары, то есть- в ад. Он сочувствует обреченным, ведь никто не считает, сколько человек было расстреляно, даже документы никому не нужны:

Документик ваш не дорог,
Бросьте наземь и вперед!

Во второй части Эренбург описывает наступившее мирное время, оно мчится, вот уже и годовщина памяти жертв расстрелянных в Бабьем Яру. Всюду происходят перемены, жизнь не стоит на месте. Страшно, что там, где погибло столько людей, теперь проложили новую ветку метрополитена, а

там, где погибли дети- теперь новая школа, которая построена на человеческих костях:

Где полвека истлеваю кости
Где из-под земли исходит стон,
Детским шумом полон на погосте
Куреневской школы стадион.

Менора (ивр. מְנוֹרָה – менора́, букв. «светильник») – золотой семиствольный светильник (семисвечник), который, согласно Библии, находился в Скинии Собрания во время скитания евреев по пустыне, а затем и в Иерусалимском храме, вплоть до разрушения Второго Храма. Он является одним из древнейших символов иудаизма и еврейских религиозных атрибутов.

Менора- памятник расстрелянным евреям, который был открыт в Бабьем Яре:

А поодаль высится Менора
Видевшая, словно часовой,
Как глумятся пасынки позора
Над людскою памятью живой.

Лирический герой говорит, что жизнь идет своим чередом, хоть и святого в ней мало, вокруг много горя, но о трагедии в Бабьем Яре люди не забудут, будут помнить всегда. Бабий Яр навсегда стоит в списке в одном ряду с такими страшными местами гибели людей как: Освенцим, Трешлинка, Бухенвальд, Дахау, Равенсбрюк, Собибор, Майданек и многие другие. Лирический герой вспоминает израильского царя Давида. «Давид (ивр. דָּוִד рус. *возлюбленный*) — второй царь народа Израиля. Святой Давид не превозносился среди благоденствия, творил суд и правду над своим народом.» [58; 263]Лирическому герою он импонирует тем, что всегда был справедливым правителем и защищал интересы своего народа.

Мы, живые, должны все время помнить о том, что произошло в Бабьем Яре, чтобы больше не произошло ничего подобного на нашей земле.

Используя исторические события в Бабьем Яре лирический герой говорит нам, что мы не должны забывать о жертвах войны, что Бабий Яр – это всенародное кладбище, где лежат десятки тысяч евреев, русских, украинцев, цыган и представителей еще многих национальностей, о которых мы уже не узнаем никогда.

В 1988г. А. Розенбаум написал песню «Бабий Яр», которая была посвящена людям, погибшим в Бабьем Яру.

Сравнение в песне- один из центральных тропов.

Для лирического героя Бабий Яр- место, наполненное болью, страданиями, плачем сердец.

Автор использует эпитеты: задумчивые каштаны, изумрудная трава, багряный ковер, стон песен, Бабий Яр доли, запоздалое покаяние, Бабий Яр детства, плач сердец.

Лирический герой сочувствует погибшим здесь людям, переживает их гибель. Он считает себя братом погребенных в этом месте, настолько ему близко человеческое горе:

Это кровь моих братьев.

Это Бабий Яр судеб.

Все вокруг наполнено болью, даже в воздухе она чувствуется. Бабий Яр доли- потому, что в этом месте расстреляно много людей разных национальностей, но всех их свела судьба в одну могилу. Ему тяжело понять, как можно было подвергнуть расстрелу такое количество душ. Герой скорбит так сильно, что даже его песня стонет:

Это Бабий Яр доли,

Это стон моих песен.

Жизнь идет своим чередом. Люди пришли к Бабьему Яру почтить память погибших, они стоят в скорби и молчании. Лирический герой вспоминает и о погибших детях:

Боже, ну куда деться!
Суд мой самому страшен.
Это Бабий Яр детства.
Это плач сердец наших.

Для лирического героя неприемлемо то, что произошло в Бабьем Яру много лет назад. До сих пор он не может простить тех, кто погубил так много людей, ему страшно от того, что он может сам подвергнуть суду виновных.

Розенбаум написал немало песен на военную тематику, в которых он воспел свое отношение к войне. А в этой песне воспеваются ненависть к убийству, к уничтожению человечества.

Русская литература невозможна без военной темы. Человек на войне — один из главных её героев, начиная от "Слова о полку Игореве" и вплоть до наших дней. Казалось бы, давно отгремела Великая Отечественная война, но в народной памяти она еще жива.

Благодаря художественным и лирическим произведениям о Бабьем Яре, мы можем изучать историю нашего государства во время Великой отечественной войны. Первым поднявшим в центральной прессе вопрос об увековечении памяти жертв Бабьего Яра был писатель Виктор Некрасов. В статье «Почему это не сделано?» («Литературная газета», 10 октября 1959 г.) он пишет о том, что «восемнадцать лет тому назад именно здесь, в этом Яру, было совершено одно из самых страшных преступлений за всю историю человечества».

Замалчивание о расстрелах продолжалась и в 60-е годы, несмотря на поэму Е. Евтушенко (1961), симфонию Д. Шостаковича (1962), роман А. Кузнецова (1966), посвящённых Бабьему Яру и Холокосту. Все они были подвергнуты критике «за отклонения от лозунга дружбы и братства советских народов и выпячивание еврейской трагедии». В наше время все эти произведения доступны читателю.

Литература во все времена переплеталась с историей. В литературе существует немало произведений о Великой Отечественной войне, изучая которые, мы непосредственно изучаем и историю нашего государства.

Глава 2.4. Медиальные трансформации исторического сюжета: трагедия у Бабьего Яра в кинематографии

В данной главе мы проводим анализ двух картин о событиях, которые произошли в Бабьем Яре, отражающих лишь небольшую часть преступления, именуемого «Холокост».

Первым для анализа мы взяли одноименный фильм совместного производства Германии и Беларуси «Бабий Яр, забытое преступление» режиссера Джозефа Канефа 2003г.

Картина реалистична. В фильме нет ни малейшей попытки оправдать жестокое отношение фашистов к еврейскому населению - лишь показывается вся жестокость, на которую способен человек вне зависимости от его нации или вероисповедания.

Тематический блок мотивов:

Мотив расстрела людей в Бабьем Яре осенью 1941года. В фильме взят сюжет расстрела евреев, но нет ни одного упоминания о расстрелах людей других национальностей таких как: цыгане, русские и украинцы. Так –же не упоминается и о расстреле матросов Днепровской Пинской флотилии.

Мотив любви. Один из главных героев фильма Степан влюбился в девушку еврейку по имени Франка. Франка- жительница Западной Украины, сбежала оттуда после расстрелов немцами евреев, вместе с ней сбежали два праня. Между молодыми людьми вспыхнуло чувство первой любви.

Мощная эмоциональная черта фильма — действие, происходящее в семьях простых жителей города Киева. Здесь как нельзя лучше можно наблюдать за отношениями людей, их мыслями и переживаниями.

Мотив предательства. Две семьи жили в доме на два хозяина. Одна семья была еврейская по фамилии Лернер, вторая- украинская. Лена- украинка, доносит немцам на своих соседней-евреев, за что в конце фильма ее ждет расплата- расстрел в Бабьем Яру.

Мотив корысти. Лена хочет путем предательства завладеть квартирой Лернеров, чтобы в ней поселилась ее дочь.

Мотив смелости. Степан помогает Лернерам сбежать от немцев, но спастись от расстрела удалось только ему самому и Франке, остальных членов семьи Лернер расстреляли.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что тема в фильме затрагивается важная, мы видим, что действия главного героя не были не напрасны- парню не удалось спасти всю еврейскую семью, зато он спас девушку- еврейку, которую полюбил. Это тяжелые кадры, которые достаточно показывают жестокость, на которую было способно человечество меньше века назад.

Проанализировав структурный анализ фильма «Бабий Яр, забытое преступление» 2003года и сравнив результат с легендой о Бабьем Яре, мы пришли к выводу, что здесь присутствуют основные мотивы первоисточника и их реализация близка с историей Бабьего Яра. Существенным отступлением от истории является то, что в фильме показан только расстрел евреев и нет ни одного упоминания о расстрелах других людей, так – же не упоминается и о концлагере, который был сооружен вблизи Бабьего Яра.

Второй фильм, который мы рассматриваем в работе называется «Baby Yar» производства студии « АВ-ТВ» при участии национальной киностудии художественных фильмов им. А. Довженко, снят в 2002году. В данной картине так -же передана трагедия Бабьего Яра, актеры передали своей игрой всю ту жестокость, с которой немцы расстреливали население города Киева начиная со стариков и заканчивая невинными младенца.

Тематический блок мотивов:

Мотив материнской любви. Героиня фильма молодая женщина. Фашисты гонят людей на расстрел. Среди приговоренных молодая женщина по имени

Людмила с маленьким сыном. Расстреляли всех, в том числе и ее с сыном. Людмила чудом осталась живой. Свою любовь к погибшему ребенку она пронесла через всю жизнь.

Мотив взаимопомощи. Людмиле оказывает помощь дочь местного полица, которая рискуя своей жизнью укрывает женщину и помогает ей.

Мотив скорби. В киноленте хорошо передан мотив скорби по убитым в Бабьем Яру. Этот мотив показан с помощью главной героини, которая скорбит по своему сыну и по своим родным.

Мотив возмездия. Немецкий офицер, под руководством которого происходил расстрел людей в Бабьем Яру, приезжает в Киев и встречает там женщину, с которой он во время расстрела нарисовал рисунок. На нем была изображена молодая мать с ребенком на руках. Этот офицер умирает возле памятника погибшим людям в Бабьем Яру. Перед смертью его мучают воспоминания о причиненном зле.

Мотив памяти и скорби. Мы видим, что после войны не угасла память народа о событиях в Бабьем Яру. В фильме показаны памятники: погибшим детям и монумент всем расстрелянным в Бабьем Яру.

Подытоживая анализ фильма, мы отметили, что и в этом фильме затронута важная тема. В киноленте хорошо показаны главной героиней чувства убитой горем матери, мы видим, через какие страдания пришлось пройти главной героине. Несмотря на все горе, ей удалось прожить жизнь с чувством благодарности к девушке, которая ее спасла. Мы видим, что за все содеянное зло человеку приходится отвечать как перед собственной совестью, так и перед окружающими- это мы видим через образ немецкого офицера.

Проанализировав структурный анализ данного фильма мы выявили историческую подлинность в таких эпизодах: расстрел людей в Бабьем Яру осенью 1941г., помощь, которую оказала местная жительница молодой женщине, выжившей после расстрела, памятники, которые были установлены в память о жертвах Бабьего Яра.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в памяти российского, украинского, белорусского и других народов бывшего СССР.

Литература и кинематограф – эти два вида искусства тесно связаны друг с другом. Литературные произведения стали основой экранных образов с начала существования кино. События, которые происходили в Бабьем Яре во время Великой Отечественной войны показаны в данных фильмах. О Бабьем Яре снято не так уж и много кинолент, но все они повествуют о гибели людей, о том, как мирные жители помогали обреченным спастись от расстрела. С каждым годом память о трагедии слабеет. Но на смену ей приходят литература и кино – то, что не дает забыть о трагедии Бабьего Яра. В наше время мы лишены возможности услышать повествование об этой войне из уст ее непосредственных участников. Нам остается находить информацию о ней в книгах, документальных хрониках, художественных фильмах.

Заключение.

Великая Отечественная война уже стала для нас историей. Мы узнаем о ней по книгам, фильмам, старым фотографиям, воспоминаниям тех, кому посчастливилось дожить до Победы. О ней писали участники и очевидцы тех трагических событий. И сейчас эта тема продолжает волновать писателей, которые открывают в ней новые аспекты и проблемы.

В своем исследовании мы не ставили перед собой задачу обнаружить новые исторические факты произошедшей под Киевом в годы Великой Отечественной войны трагедии, также не брались давать оценку имеющимся фактам, это дело историков; наша **цель** гораздо скромнее и лежит исключительно в рамках литературоведения: определить ключевые аспекты формирования и трансформации историко-легендарного сюжета о событиях у Бабьего Яра в контексте русской литературы второй половины XX в.

Для решения заявленной цели нами были поставлены следующие **задачи**:

1. охарактеризовать культурно-исторический контекст военного времени, когда произошли реальные трагические события у Бабьего Яра;
2. установить структурные элементы, формирующие инвариантную структуру историко-легендарного сюжета о трагедии в Бабьем Яру;
3. выявить аспекты трансформации сюжета в произведениях русской литературы второй половины XX в.;
4. определить особенности репрезентации сюжета и отдельных составляющих его мотивов и иных структурных элементов в различных формах медиакультуры второй половины XX в.

Роман А. Кузнецова написан самим автором о пережитых им в детстве днях оккупации Киева в 1941-1943 годах. Из данного романа мы узнаем о жизни мирного населения города во время войны. Роман насыщен переживаниями юного героя за свою жизнь и за жизнь родных и близких ему людей. Автор романа рассказывает нам о событиях в Бабьем Яру. Сам автор не был очевидцем расстрелов, ему обо всем рассказали очевидцы- Дина Проничева и Панасик, Гуменная. Кузнецову удалось передать жизнь и быт

заключенных в концлагере военнопленных, о их быте и тяжелых работах на территории Бабьего Яра. Своим романом автор показывает нам непримиримое отношение к убийству людей, к издевательствам над людьми. Мы видим, что во время войны тяжелее всего жилось детям, ведь им приходилось добывать еду не только себе, но и заботиться о своих близких. В этой книге звучит призыв к людям сохранять мир, отказаться от всех видов насилия. История уничтожение целой нации, люди продолжают убивать друг друга за какие-то идеи, предавать за деньги, убивать людей другой веры. Такие книги учат нас ценить жизнь, быть добрее, относиться с уважением к человеку, помогать другим в тяжелых жизненных ситуациях.

В лирических произведениях о Бабьем Яре, написанных Е. Евтушенко и И. Глейзером мы также видим непримиримое отношение поэтов к насилию над людьми. Лирические герои сочувствуют обреченным, которых ведут на расстрел и ненавидят фашистов.

В русской литературе существует огромное количество произведений о Великой Отечественной войне. Благодаря таким произведениям, мы можем узнать о геноциде во время войны, о поступках людей, которые пытаются подать руку помощи попавшему в беду человеку, о том, что даже в самые страшные дни оккупации Киева многие его жители остались людьми в условиях того времени. Литература всегда шла в ногу с историей, Бабий Яр-это история Великой Отечественной войны, описанная в литературных произведениях. Эта война оставила большой след не только в истории России, Украины и Беларуси, но и в истории всего человечества. Погибло большое количество людей. Просматривая художественные фильмы о ВОВ, мы так-же знакомимся с историей войны, с событиями, которые происходили более семидесяти лет назад. Кино и литература тесно связаны друг с другом, ведь художественный фильм зачастую снимается по литературному произведению. В фильмах о Бабьем Яре показаны события, участниками которых были люди, жившие в то время в Киеве, мы хорошо видим их чувства и переживания. Фильм может передать то, чего не может

передать книга- в нем мы видим реальных людей своими глазами. Режиссеры данных фильмов показывают непримиримое отношение к предательству, к убийству людей. Фильмы учат нас помогать людям не смотря на опасность.

Список литературы.

- 1)Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941-1945 гг. М.: Совершенно секретно, 2002.
- 2)Аллен У. Э. Д., Муратов П. П. Русские кампании германского вермахта, 1941–1945/Пер. с англ. А. В. Верди, А. М. Хитрова; предисл. А. М. Хитрова. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 559 с.
- 3) Анисимов В. И. Поэзия правды и мечты: Нравственные искания в творчестве советских поэтов 60 – 70-х гг. – М.: Просвещение, 1982. – 112 с.
- 4) Антокольский П. Из новой поэмы // Юность. – 2005. – №6. – С.44
- 5)Бабий Яр: К пятидесятилетию трагедии 29, 30 сентября 1941 года / Сост. Ш. Спектор, М. Кипнис. – Иерусалим: PRISMA-PRESS, 1991.
- 6)Барлас, В.Я. Глазами поэзии: Об открытиях искусства и современных поэтах. - 2-е изд., доп. / В.Я.Барлас - М. : Сов. писатель, 1986. - 287 с.
- 7)Барлас В. Всегда ли верить вдохновенью? // Литературная газета. 1960. 9 января.
- 8)Бахтин М. М. «Литературно-критические статьи»/ Часть 1.М.:Художественная литература, 1986. — 543 с.
- 9)Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.361.
- 10)Возчиков, В. А. Евгений Евтушенко - критик: Литературно-критические этюды / В.А. Возчиков. - Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1992. - 88 с.
- 11)Война Германии против Советского Союза, с. 124.
- 12)Великая Отечественная война. 1941-1945. Народ и Война. Т. 4. - М.: Ин-т истории РАН, Ин-т воен. истории, 1998.
- 13)Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. Вып. 1-6. - Черновцы, 1991-1995
- 14)В живых остались только мы. Свидетельства и документы / Ред.- сост. Б. Забарко. -Киев: Институт иудаики, 1999.
- 15)Гаспаров М. Л. Книга для чтения // Новый мир. 1996. № 2

- 16) А.И.Гербер, Д.В.Прокудин / Под ред. И. А. Альтмана. – М.: Akademia, Фонд «Холокост», 2006
- 17) Гефтер М.Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. - М.: НПЦ "Холокост", 1995.
- 18) Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 78.
- 19) Государственный Архив Российской Федерации, ф. 7445, оп. 2, д. 138, л. 269. Цит. по: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985, док. № 155, с. 257.
- 20) Гуменная Д. Указ. соч., 172–174.
- 21) Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 244-246.
- К. Дубина. «В годы тяжелых испытаний». Киев. 1962. Стр. 96-97.
- 22) Евгений Евтушенко и "Бабий Яр". - Лариса Белагала-belaga.livejournal.com>449073.html
- 23) Евтушенко Е.А. Я пришел к тебе, Бабий Яр... Литературно – художественное издание. М.: Фонд Всемирной памяти жертв Холокоста, ООО «Издательский дом Куприянов», 2006
- 24) Евтушенко Е. «Стихотворения и поэмы»
- 25) Т. Евстафьева, В. Нахманович. Сырец, Лукьяновка и Бабий Яр в первой половине 20в. (до начала немецкой оккупации 1941-1943г.г.). История застройки и проблемы топографии. 1963. № 2.
- 26) Елисаветский С. Бердичев: Уточненные данные о Холокосте // Голокост і сучасність (Киев). — 2002. — № 1. — С. 4–5.
- 27) Захаров В.В., Кулешов А.А. Начало начал. Германия 1933- 1939. - М.: Совершенно секретно, 2000.
- 28) Заметки по еврейской истории. Сетевой журнал еврейской истории, традиции, культуры. Под ред. Е. Берковича, № 12(147), декабрь 2011г..
- 29) Имануил Глейзер. Бабий Яр. К 64-й годовщине трагедии БАБЬЕГО ЯРА 29 сентября 1941г.

- 30) История Холокоста в Европе 1933–1945 / Пер. с шведск. Д. Веденяпина; предисл. И. Перссона; В. И. Матвиенко; послесл. И. А. Альтмана; А. Асмолова. — М.: Текст, 2001. — 103 с.
- 31) Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941—1944: Доклады/Под ред. Г. Горцика, К. Штанга. — М.: АИРО-XXI, 2005. — 89 с.
- 32) История Киева. - К., 1985. - Т. 3. - Кн. 1. - С. 267
- 33) Карлайл (Андреева) О. Искусство поэзии // Paris Review. Нью-Йорк, 1965.
- 34) Кноп Г. СС: Черная инквизиция / Пер. с нем. А. Чикишева. — М.: Олма-пресс, 2005. — 284 с.
- 35) Комин В. В., Прищепа В. П. Он пришел в XXI век. Творческий путь Евгения Евтушенко. 2-е изд., доп. и дораб. Новосибирск: ОАО «САЯНСКИМ ПЛАСТ», 2005.
- 36) Корман Б.О. - Изучение текста художественного произведения М., 1972. С. 8.
- 37) Круглов А. Львов, июль 1941: Начало уничтожения // Голокост і сучасність (Киев). — 2003. — № 5. — С. 12–14.
- 38) Круглов А.И. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941 – 1944 годах. – К.: Институт иудаики, 2002. —485с.
- 39) Круглов А.И. Катастрофа украинского еврейства (1941-1944 г.г.).
- 40) Кузнецов А. Бабий Яр. – М; Захаров, 2001.
- 41) Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. - С. 428-436. (Комм. М.О.Чудаковой). *Впервые*: Литература и литературный быт // На литературном посту, 1927, № 9.
- 42) Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста/ Ю.М.Лотман; М.Л.Гаспаров.-СПб.: Искусство-СПб, 1996.-846с.
- 43) Некрасов В. Почему это не сделано? // Литературная газета, 1959. 10 октября.

- 44) Нехорошев Ю. С., Шитов А. П. Евгений Евтушенко: Научно-вспомогательный библиографический указатель. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического института, 1981.
- 45) Нехорошев Ю. С. Пунктир // Евтушенко Евг. Первое собрание сочинений: В 8 т. М.: NEVA group; АО «Х.Г.С.»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Харвест», 1997–2008; Т. 9 (дополнительный): ООО «Издательство Астрель», 2012.
- 46) Прищепа В. Л. Поэма в творчестве Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского (1960–1965). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1988.
- 47) Прищепа В. П. Российского Отечества поэт (Е. А. Евтушенко: 1965–1995 гг.). Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1996.
- 48) Сидоров, Е. Евгений Евтушенко: Личность и творчество / Е. Сидоров. - М.: Худож. лит., 1987. - 206 с.
- 49) Смилянская Ю. Бабий Яр: Документы и размышления // Голокост і сучасність (Киев). – 2002. – № 3. – С. 8–9.
- 50) Сообщение ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Киеве. М., 1944.
- 51) Советский энциклопедический словарь. М., 1985. с. 97.
- 52) Толочко П. П. Древний Киев. - К., 1976. - С. 88.
- 53) Трескин Э. Как стать кинозвездой. Прага: Olga Krylova, 2006.
- 54) «Уничтожить как можно больше русских» / Публ. С. Кудряшовой // Источник. — 1998. — № 2.
- 55) Хализев В. Е. Жизненный аналог художественной образности (опыт обоснования понятия) // Принципы анализа литературного произведения. М., 1984.
- 56) Центральный государственный архив высших органов управления (далее — ЦГАВОУ) Украины, ф. КМФ-8, оп. 2, д. 149, л. 139.

- 57) Черная книга. Составлена под редакцией Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга. – К.: МИП «Оберег», 1991, 560 с. – С. 22
- 58) Шинкарев Л. «Микешкин» идет в Арктику; Евтушенко Евг. Стихи из бортжурнала (Библиотека «Известий»). М.: Известия, 1970.
- 59) Эйхенбаум Б.М. Лесков и современная проза // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. С. 419.
- 60) Эйхенбаум Б., Виноградов В.В., Жирмунский В.М. Анна Ахматова : Три книги. - Ann Arbor, 1990. - 468 p. Rec.: Terras, V. [Recensio] // World lit. today. - Norman (Okla.), 1991. - Vol. 65, N 1. - P. 136-137.
- 61) Эренбург И.Г. Война, 1941-1945: Статьи / Сост., предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. - М.: АСТ; Астрель, Олимп, 2004. - 795 с.
- 62) Ямпольский В. П. Без права на забвение и пощаду // Лубянка: Историко-публицистический альманах. — М., 2005. — Вып. 2. — С. 56–90.

Видеоматериалы:

- 1) Бабий Яр. Забытое преступление. Режиссер Джозеф Канеф, 2003г..
- 2) Baby Yar. Студия «АВ-ТВ» при участии национальной киностудии художественных фильмов им. А. Довженко, 2002г..